

Владимир Великович
Джикович

В уставе банка не было шестой страницы

В банк я попал одновременно случайно и закономерно. Окончил Лесотехническую академию, работал инженером-экономистом, вырос до главного бухгалтера ВПО «Севзапмебель». Как и большинству молодых специалистов, денег не хватало. Тем более что приходилось платить за новую кооперативную квартиру. В итоге я в 1987 году завербовался на работу за границу. В Монголию. На три года в трест Монголэнергострой — главным бухгалтером. Учреждение серьезное: 18 контрактов в 7 городах, 2000 наших специалистов, более 3000 монголов.

В это время в СССР произошла «тихая революция». Мы сидели в Монголии у телевизора и ничего не понимали. Люди с «большой земли» приезжали, рассказывали чудеса о перестройке.

Проработать я успел лишь два года. Семья забастовала — не нужны деньги, хватит пыль глотать. Уехать было легче, чем приехать — желающих поработать за границей, хотя бы и в Монголии, было еще много.

Июнь 1989 года. Вернулся я в другую страну. На работу меня в ВПО взяли, так как еще действовали старые правила. Предложили на выбор несколько вариантов работы. В частности, взяться за создание банка.

К тому времени уже было сделано несколько попыток создания ведомственного банка, но они оказались неудачными. Меня же эта идея захватила. Очевидно, сказались гены: мой дед по отцу, хорват, был управляющим банка.

Что это такое, никто не знал. В то время в Ленинграде были зарегистрированы Инновационный банк, банк «Патент», Энергомашбанк, Технохимбанк — и, по сути дела, все. Банки эти назывались нулевыми, т. е. образовывались они на голом месте. Остальные были государственные и жили своей жизнью.

Как сейчас помню — не знали, с чего начинать. Где брать документы, куда их подавать и т. д. Я обратился в Энергомашбанк к Леониду Талмачу за помощью. Он имел больше опыта, в банк он пришел с должности заместителя начальника управления Промстройбанка (кстати, сейчас он председатель банка Молдовы).

Пришел я к нему на Малую Морскую, еле нашел его на каком-то этаже, за шкафом. Большая комната, народ. Это, оказалось, и был Энергомашбанк.

В. В. Джикович

Обратился я с просьбой о помощи к Леониду Петровичу и получил ответ: «Ходят тут всякие...» Ушел я ни с чем и обратился в Промстройбанк к заместителю управляющего Д. И. Трактовенко. В этот раз шел не с улицы — нашлись общие знакомые.

В то время была популярной идея, что создавать следует не коммерческие банки, а инновационные, т. е. расчеты пусть проводят те банки, что уже есть, а финансирование проектов должны осуществлять новые инновационные банки.

Ресурсов тогда было много, деньги ничего не стоили. Материальные ресурсы стояли на первом месте, на деньги безналичные купить ничего нельзя было без лимитов.

Давид Исаакович Трактовенко мне помог. Нарисовал мне первый баланс. Помог составить тот минимум документов (заявка, инструкция какая-то на полутора листах), которые нужны были для регистрации нового банка. Далее необходимо было набрать 5 млн рублей в уставный капитал. В Севзапмебели были 35 предприятий. Начальник ВПО Анатолий Иванович Чудовский собрал всех и предложил сброситься на банк. Ответом было: «Берите, сколько хотите — на эти деньги все равно купить нечего». Распределили, расписались. Получилось 6 миллионов.

С большим скрипом в Промстройбанке мне открыли счет. По просьбе Трактовенко. Деньги им наши были не нужны. Смотрели на новые банки как на забаву. Даже мои коллеги (бывшие мои подчиненные) в бухгалтерии ВПО смеялись надо мной: «Зачем вам это нужно, серьезному человеку?..»

1 ноября 1989 года банк был зарегистрирован. Никаких требований ни по помещению, ни по персоналу, ни по клиентуре тогда не было. Регистрировал в Госбанке СССР. До Захарова В. С. меня тогда не допустили. По-

мню Цемянского, Доманова, начальника отдела Блинкову. Документы приняли без труда. Устав был типовый. Справка, что деньги собраны, при мне. А также список акционеров и баланс, что сделал мне Трактовенко (взятый из воздуха). Назвали мы банк Ленинградским инновационным Ленмебельбанком, потому что акционерами стали только ленинградские мебельные предприятия.

Захаров подписал документы. Лицензий еще не было. Устав следовало сшить и поставить на нем печать. В это время в Госбанке на Неглинке погас свет. Принесли свечку. Сшили документы. Отметили, как положено, появление нового банка. И — на поезд. Вернулся в Ленинград. Отчитался перед Чудовским. Получил благословение и стол в комнате бухгалтерии ВПО. В приподнятом настроении решил изучить спокойно собственные документы. Смотрю: в уставе отсутствует шестая страница. Впопыхах, когда при свечке сшивали устав, одну страницу выронили.

В. В. Джикович
1989–1996

Председатель правления
Ленмебельбанка
(позже — Петербургского
лесопромышленного банка)

1996 — наст. время

Президент Ассоциации
банков Северо-Запада

Что делать? Проявили смекалку. Просто подсунули страницу. Это сейчас я спокойно об этом говорю. Банк уже несколько раз перерегистрировался. А тогда не до смеха было...

Я нанял трех человек, в том числе главного бухгалтера и экономиста. Конечно, никакого расчетного обслуживания мы не проводили. То есть мы работали как банк, но денег у нас не было.

Следующей задачей было найти помещение. ВПО «Севзапмебель» находилось в непригодном помещении на Зеленина, 43. И я нашел помещение в одном из строительных трестов, входящих в ВПО. В подвале на улице Марата у трестовского СМУ был офис. Окна ниже тротуара. Там мы получили первые свои 2 комнаты с отдельным входом. Правда, из подворотни, с общим входом в подъезд. Зато повесили вывеску с гордым именем «Ленмебельбанк».

Денег у нас по-прежнему не было. Свою зарплату мы получали в Промстройбанке. Но клиентов мы обслуживали. И даже выдавали кредиты из 6 млн уставных. Причем первый выдали, еще когда сидели в ВПО. Заемщик просил кредит на 3 или 4 месяца. Миллион рублей. Надо было составить кредитный договор. Как это сделать, не знал никто. О залоге тоже никто не слышал. Даже в Госбанке деньги без залога давали. Да и собственности-то у кооператора не было. Как говорится, «на коленке» мы с главным экономистом договор составили. Выдали деньги. Нормативов тогда не было — ни на что не влияла такая кредитная деятельность. Четыре месяца тряслись — вернет или не вернет. Человек оказался порядочный. А ведь никакой суд наш договор не принял бы. Только посмеялись бы...

Вскоре у меня уже было три комнаты, и я начал набирать народ. Появились операционисты. Однако проблема кадров была столь же тяжелой, как и проблема помещений. Специалисты сидели в государственных банках и в авантюру создания новых банков верили слабо. У меня первый специалист из банка появился примерно через год после начала работы. Кстати, я не заметил большой разницы, потому что они работали не по той схеме, что мы в коммерческих банках. Зато у них были связи, и они были знакомы с банковской теорией.

В арендуемом помещении мы сделали ремонт. В благодарность за то, что нас пустили, отремонтировали в здании крышу. В результате после улучшения условий собственник повысил арендную плату.

Это было в конце 1990 года. Нашли мы восстанавливаемый Ленстройматериалами дом на Миллионной, 10. Там у нас было 150–200 метров. У нас появился первый маленький операционный зал. Касса появилась, завкассой, инкассация, хотя хранилища не было, да оно и не требовалось. Купили первую машину — деньги для клиентов возить.

Потом мы нашли дом, в котором банк находится до сих пор, — в Крапивном переулке, 5. Там находился НИИ по источникам питания, погибающий к тому времени институт. Часть здания была недостроена. Рядом стоял выселенный жилой дом, подлежащий сносу. Денег у института на

В. В. Джикович

реконструкцию и снос не было. В результате часть помещений НИИ нам передал как учредительный взнос, а часть мы арендовали. В недостроенном здании поместили кассу, операционный зал. Восстановили и жилое здание, соединив его с основным корпусом.

Вскоре институт пошел с торгов, приватизировался. Появилась информация, что его хотят купить какие-то неизвестные компании с целью перепродажи. В это время деньги уже становились дефицитом. Однако у банка появлялась реальная опасность потерять свои арендованные помещения. Спекулянты организовали скупку акций у работников института и жестко торговались с нами, зная, что банк все равно будет вынужден перекупить их акции. В итоге мы победили. И сейчас банк имеет прекрасное банковское здание.

Когда мы открыли банк (и до 1991, даже 1992 года) — было золотое время. Число кооперативов росло как на дрожжах. Все хотели открыть счета. Старые банки были не заинтересованы набирать «мелочевку». А у нас в коридорах всегда сидели люди. Я принимал их. Некоторым и отказывал. Просто не было возможности всех обслужить. По блату пытались проникнуть. Бухгалтер ругался: «Опять набрали! Кто с ними работать будет?» Золотое время было!

Тогда, помню, случай был. Предлагают ресурсы. Хотите поговорить? Конечно хочу!!! Предлагают большую сумму, при этом оговаривают, что следует дать организаторам так называемый откат. Что-то мне подсказало, что брать не стоит. Я попросил время подумать. На этом разошлись. Через некоторое время мне сообщают, что деньги отправили. Отвечаю: «Я их не заказывал, а сказал, что подумаю. Теперь я говорю: мне они не нужны». Начинают уговаривать: «Мы уменьшим комиссию». Категорически отказываюсь: «Ничего брать не буду. Я ничего не подписывал». Вскоре вновь прорываются ко мне: «Вы должны взять — иначе вы пожалеете!»

Через некоторое время празднуем в ресторане годовщину одного из предприятий. В отдельном зале. Входят двое с характерной внешностью, спрашивают: «Кто из вас Джикович? Нужно поговорить». Чувствую, народ стал тихо спадать под стол. Время-то было жуткое. Пришлось мне выйти. Следует разговор: «Вам предлагали деньги. Почему вы не берете?» Еще раз отвечаю, что ничего брать не буду. Тогда мне предлагают заплатить отступные и заявляют, что это было последнее предупреждение. Вызываю службу безопасности. Спасайте! А служба у меня была хорошая. Три дня искали концы. Семья моя сидела дома не выходя. А я ходил «в коробочке» на работу и с работы. «Коробочка» — это когда один телохранитель идет впереди, другой сзади, оба оглядываются по сторонам, а ты между ними. Вот так я жил три дня. Потом сказали: «Все в порядке. Договорились. Претензий нет».

Я знаю, что коллеги мои на это тоже попадались. Один из них далее подписал бумаги, прилетел в Москву, а когда увидел, кто его встречает, вытащил бумаги и разорвал их. Рвал на их глазах. Потому что понял. Все!

Популярны в то время были и такие «операции». Вам приносили предложения на 100 миллионов долларов «по схеме». Причем она запутанная, сложная. Тебе только следует написать просьбу — и дают деньги. Двадцать миллионов. Остальные где-то на Западе крутятся, закрывают проценты. Халява полная. Даже не кредит. Причем приходили и шепотом говорили: «Только для петербургских банков, потому что москвичи все проворовались». Говорили, что схемы разработали в Нигерии. Ни одного заработавшего на такой схеме никто не видел. Самое интересное, что недавно ко мне пришел советоваться один провинциальный банкир с такой схемой, так теперь коррумпированными называются не только московские, но и петербургские банки. То есть наш рейтинг повысился. В 1992 году у банков появились новые сложности. Высокая инфляция. Кредиты в 220%, был случай — 260%. Слабая законодательная база. Новый повод для разгула преступности и мошенничества.

Я, например, имел несчастье столкнуться с Марком Леонидовичем Горячевым. Популярный был деятель того времени. На обложках журналов снимался. С Собчаком выступал по телевизору — учил, как жить. Рассказывал о связях с Нечаевым. Так вот... Есть в объединении «Цветы» Удельнинское отделение. При акционировании Горячеву потребовался кредит, чтобы участвовать в ваучерной приватизации. Я ему выдал кредит под хорошие рекомендации и залог (что было еще редкостью) 40 разобранных домов и всего имущества в офисе. Потом оказалось, что Горячев скупил ваучеры, вложил их, но не получил права на имущество, так как объект был неправильно выставлен на торги.

Судебное дело зависло. Все сроки кредита прошли. Я стал реализовывать имущество. А это трудно сейчас, а тогда было еще сложнее. Судебных исполнителей, в основном женщин, Горячев запугивал. Тем не менее часть имущества мне реализовать удалось, так что нам еще повезло. На свои авантюры Горячев взял кредиты во многих банках, в том числе и московских. И не вернул деньги. Брал у одних, частично отдавал другим, запутал многих. Сейчас он как бы пропал. Есть версия, что его украли. Жена просит, чтобы дело закрыли. Однако следователь, как и я, считает, что это очередная афера Горячева. Думаю, он где-то отсиживается...

Позже падение межбанковского рынка, созданного для обмена ресурсами, привело к кризису 1995 года. В эту — московскую в основном — пирамиду вкачивались деньги с периферии. Обвал пирамиды повалил много региональных банков. Тогда же для этих целей создали и расчетные банки — Тверьуниверсалбанк, Сибирский торговый банк — так как ЦБ плохо расчеты проводил. Они тоже были похоронены кризисом.

Теперь вернемся к истории создания Ассоциации банков. 10 декабря 1989 года мне позвонила Зоя Леонтьевна Назембло, курировавшая коммерческие банки из Ленинградского Главного управления Госбанка СССР, и сказала, что банки города собираются на собрание в Энергомашбанке с целью создания Ассоциации.

В. В. Джикович

На собрании 19 декабря участвовали руководители девяти банков: Л. П. Талмач — Энергомашбанк, Д. И. Дмитриев — Технохимбанк, А. А. Агаян — Ленинградский инновационный банк, Л. А. Шуваев — АБ «ИНСЭТ», А. В. Булавин — Ленсоюзбанк, А. Н. Показанов — кооперативный банк «Патент» (Александр пришел из Промстройбанка, создал этот банк, потом банк был продан, Александр сейчас работает в аудите), М. А. Бабич — Ленстройкомбанк, Ловягин А. Е. — «Балтийский банк» и я. Участвовала в собрании и З. Л. Назембло.

Для того чтобы отстаивать собственные интересы, было предложено создать Ленинградскую ассоциацию коммерческих банков (АКБ). Уже тогда появилась идея возврата старинных банковских зданий новым банкам. Ведь когда-то Санкт-Петербург был банковским центром страны, и в нем сохранилось много прекрасных зданий банков.

Президентом предложили избрать хозяина помещения — Леонида Талмача. Выбрали при одном воздержавшемся. Это был я. В памяти сохранились воспоминания о том, что он не захотел со мной знакомиться. В отместку за вольнодумие меня избрали ревизором.

Работала ассоциация первое время без взносов, на общественных началах. Пару раз председатель нас собрал, дал несколько интервью в газетах, а в 1991 году уехал в Молдову, куда его пригласили в Центральный банк. Избрали Сашу Агаяна, он был самый коммуникабельный из нас. Он проработал президентом чуть больше года, тоже на общественных началах. Вскоре у него в банке начались проблемы — невозвраты и т. д. Позже Агаян уехал в США учиться. С тех пор он там так и живет. Именно Александр предложил сделать руководителя освобожденным.

К весне 1992 года членами АКБ были 19 банков, в числе которых были практически все основные банки города и области. Летом 1992 года Агаян привел депутата горсовета, зам. председателя плановой и финансово-бюджетной комиссии С. Попова. Тогда ассоциация из общественной организации стала профессиональной, т. е. появилась дирекция во главе с исполнительным директором, который стал и президентом. Члены ассоциации платили взносы. В декабре в ассоциацию входили уже 24 банка и один петербургский филиал — московского «Кредо-банка» (из 33 банков и 16 филиалов). Появился первый президиум: Попов С. А., Агаян А. А., Джикович В. В. (тогда уже мой банк назывался Петербургский Лесопромышленный банк), Ловягин А. Е., Львов Ю. И. (банк «Санкт-Петербург»), Семенов В. Г. (Промышленно-строительный банк), Шорин В. А. (Санкт-Петербургский банк Сбербанка), Шуваев Л. А. (АБИ-банк).

В октябре в городе начался активный межбанковский обмен информацией по основным экономическим показателям деятельности банков, тем самым впервые в истории России наша ассоциация выступила инициатором информационной открытости банков.

Ассоциация участвовала во многих городских проектах. Иногда не очень реальных. Так, в декабре 1992 года мы рассматривали проект создания

свободной банковской зоны, инициатором которой был мэр города Анатолий Собчак. Суть проекта заключалась в создании для зоны режима наибольшего благоприятствования, который предполагал введение особого порядка валютного регулирования, льготного налогообложения, а также механизма беспрепятственного перевода за рубеж валютных средств в удобной для иностранного инвестора форме. Собчак считал, что это повысит престиж города и будет способствовать увеличению притока иностранных инвестиций в экономику города. Еще в августе проект мэра был направлен на рассмотрение в Верховный Совет и правительство России. В результате проект не получил своего развития, не поддержал его и вошедший в конфликт с мэром Петросовет.

В декабре 1993 года С. А. Попов был избран в Думу по 212-му избирательному округу и стал членом подкомитета по банковскому законодательству Комитета по бюджету, налогам, банкам и финансам. В Петербурге он стал появляться наездами. Ассоциация объединяла тогда 26 банков из примерно 40 зарегистрированных, уже подал заявление первый иностранный банк — Креди-Лионэ Русбанк, и в 1994 году к нему присоединился БНП-Дрезденер банк...